

Неусвоенные уроки преддверия Первой мировой войны

© Задорожнюк И. Е., Задорожнюк Э. Г.

© Zadorozhnyuk I., Zadorozhnyuk E.

Неусвоенные уроки преддверия Первой мировой войны

Undigested lessons before the First world war

Аннотация. Дана характеристика империалистических войн, с начала XX в. приближавшихся к трем империям — Австро-Венгерской, Российской и Османской; обоснована неизбежность столкновения этих и других империй и протоиimperий. Показано: каждую из войн, предшествующих Первой мировой, можно было предотвратить и погасить в самом начале; более того, такие попытки предпринимались царской Россией. Но любую сторону, склонную к мирному разрешению конфликтов, загоняли в безвыходное положение беспрецедентными информационными кампаниями, террористическими актами и провокациями агрессивно настроенные социальные и/или национальные группировки, за которыми стояли крупные государства и их союзы.

Annotation. The characteristic of the imperialist war from the beginning of the twentieth century concentric semicircles approaching the three empires Austro-Hungarian, Russian and Ottoman; the inevitable collision of these and other empires and protoempires. A careful examination of these wars preceding the First world war, shows that each of them could have been prevented and to extinguish at the very beginning; moreover, there were some attempts of tsarist Russia as one of the parties. But either way, inclined to peaceful resolution of conflicts, driven into a hopeless situation unprecedented information campaigns, terrorist acts and provocations by some aggressive-minded social and/or ethnic groups, behind which stood the large States and their unions.

Ключевые слова. Империалистические войны, провокации, миротворческие инициативы, Россия и Европа, империализм.

Key words. Imperialist war, provocation, peacemaking initiatives, Russia and Europe, imperialism.

1

Ровно 130 лет тому назад Ф. Энгельс, уже престарелый «классик» не только марксизма-ленинизма, но и военно-политического анализа, написал статью «Введение к брошюре Боркхейма “На память ура-патриотам 1806—1807 годов”» [29]. Посвященная мало известному автору и полузабытым событиям прошлого, статья, тем не менее, содержала мрачнейшие и, к сожалению, оправдавшиеся пророчества.

Ко времени ее написания Европа около десяти лет «отдыхала» от трех мощных континентальных войн: Австро-пруссско-итальянской (Семинедельной) 1866 г., итогом которой явилось возникновение

ЗАДОРЖНИЮК Иван Евдокимович — заместитель заведующего Отделом социально-гуманитарных журналов НИЯУ МИФИ, доктор философских наук.

ЗАДОРЖНИЮК Элла Григорьевна — заведующий Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Северогерманского союза с доминированием Пруссии; Франко-прусской 1870—1871 гг., приведшей к образованию Германской империи; Русско-турецкой 1877—1878 гг., частично вытеснившей Османскую империю с Балкан. Со времени написания статьи военные столкновения были вынесены за пределы континента еще на 25 лет — вплоть до 1912 г., когда они как бы вернулись с периферии. Воцарилось относительное спокойствие, но не для Энгельса, видевшего неустрашимость гонки вооружений и войн в канун новой стадии развития капитализма — империализма.

Энгельс указал и на неустрашимого участника этой войны — растущую Германскую империю — и подчеркнул неотвратимость и новые масштабы грядущей войны.

15 декабря 1887 г. он писал: «И, наконец, для Пруссии—Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу... Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым... Такова перспектива, если доведенная до крайностей система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господи короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу» [29. С. 361]. В преддверии этой «всемирной войны» прошли несколько войн, названных империалистическими, — они и служат предметом нашего рассмотрения.

Одно из предостережений против грядущей войны высказал как раз «король» — российский самодержец немногим позже десяти лет после Энгельса. Как раз после начала первой из империалистических войн — Испано-американской и неудержимой подготовки ко второй — Англо-бурской в Гааге по инициативе Николая II (не случайно в Секретариате ООН водружен его бюст как государя-миротворца) прошла международная конференция по разоружению. Открылась она 16 мая 1899 г., в день рождения императора, и продлилась до 29 июня; представители 26 держав подготовили ряд конвенций.

Самодержцу одной из сравнительно молодых империй (таковой ее предложил именовать Петр I в 1721 г.) пришлось выступить в роли инициатора переговоров — как бы предчувствуя угрозы своей власти, хотя не в меньшей мере он руководствовался и общегуманистическими представлениями — намерением сократить гонку вооружений.

С 5 июня по 18 октября 1907 г. в той же Гааге прошла вторая конференция, в которой приняли участие уже 49 держав. Мирные инициативы самодержца России прошли испытания нелегкой Русско-японской вой-

ной и завершавшейся к тому году революцией, но своей гуманистической направленности не лишились. Третья конференция намечалась на 1915 год...

Эти инициативы российского императора перманентно забывались в ходе всего XX в., как и тот факт, что вхождение в него ознаменовалось войной, инициированной не без провокаций со стороны демократического режима США, а начало Первой мировой войны — не без подстрекательств Германской империи при попустительстве империй Британской и Французской.

Закончилось все это революцией сначала в России, а затем в Германии. В. И. Ленин написал о предсказании Энгельса летом 1918 г. в «Правде»: «Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт» [16. С. 472] — и подтвердил их справедливость рассмотрением тезисов статьи почти 30-летней давности. Из поля его внимания до этого не выпадала ни одна из империалистических войн, тем более, что из жизни человечества вооруженные конфликты не исчезали.

2

Прежде чем приступить к рассмотрению всех войн 16-летнего «подросткового» периода становления империализма (с 1898-го по 1914 г.), явившихся преддверием войны мировой, отметим: империалистические войны имеют свою логику наращивания вплоть до стадии мировой. Ее можно рассмотреть, анализируя динамику межгосударственных конфликтов, которые выстраивались как бы концентрическими полукругами.

Широкий, трансконтинентальный, полукруг связан с войнами на большом отдалении от Европы — месторасположения на то время основных империй. Первая началась возле берегов Кубы взрывом крейсера «Мэн» в 1898 г.; вторая — столкновениями на юге Африки; третья — нападением на крейсер «Варяг» близ берегов Кореи в 1904 г. Две из трех войн были развязаны протоимпериями — США и Японией, которые выступили против старых империй — Испанской и Российской; третью объявила классическая Британская империя республикам Южной Африки.

В то время чаще говорили о колониальных империях Англии и Франции, об Османской и Российской империях и об объявившей о своем имперском статусе в 1871 г. Германии. На наш взгляд, правомерно говорить также о протоимпериях (США, Японии и даже Италии) — они, не считаясь ни с чем, тоже приобретали колонии. Имперским вирусом в начале века оказались заражены и такие страны Европы, как Сербия и Польша, где еще до обретения независимости возрождались идеи империи «от моря (Балтийского) до моря (Черного)». Громадными колониями владели Голландия и Бельгия, — но их к числу империй причисляли крайне редко; не часто упоминалась и Португальская империя, еще в первой четверти XIX в. потерявшая колонии в Южной Америке и отказавшаяся от африканских в пользу Германии.

Суженный полукруг в 1910—1913 гг. включает Итало-турецкую и две Балканские войны, а между ними помещается некий труднее идентифи-

цируемый промежуточный полукруг. Его временным центром можно считать и 1908 г., когда Россия испытала «дипломатическую Цусиму», не сумев помешать Австро-Венгрии аннексировать Боснию и Герцеговину. Захват бывших земель Османской империи вопреки воле Сербии оказался бескровным, — но пули в револьвер Гаврилы Принципы, выстрелившие летом 1914 г., были вложены именно тогда.

Рассмотрение трех этих полукругов приводит к заключению: мировая война оказалась неотвратимой, а сопровождавшие ее провокации неизбежными. Казалось бы, никто не хотел такой войны, но она грянула как гром среди ясного неба. Отметим две из сотен написанных об этом книг: историка Н. Н. Яковлева [30] и американской исследовательницы Б. Такман [25], экземпляры которой дарил своим друзьям и оппонентам президент США Дж. Кеннеди. Он часто повторял приводимый в ней диалог бывшего канцлера Германии и его преемника относительно причин и исхода Первой мировой войны: «Как же это случилось?» — «Ах, если бы знать!» [25. С. 8]. Эти слова приложимы и к фиксации недоумения относительно причин и исхода каждой из рассматриваемых ниже войн¹. А ведь это была ожидаемая неожиданность, подготавливаемая империалистическими войнами с 1898-го по 1912 г., приближающимися к границам трех империй: Австро-Венгерской, Российской и Османской и в конце концов к точке схождения — Сараево. Наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд отбыл туда в июне 1914 г. на военные маневры, провокационные по отношению к Сербии и не только к ней. Их начало было назначено на Видов день — траурное напоминание Сербии о ее поражении на Косовом Поле в 1389 г., что само по себе было провокацией, а 28 июня в Сараево прозвучали выстрелы, знаменующие начало невиданной войны.

Империалистические войны модифицировались по сравнению с предшествующими. Во-первых, их начало связывалось с информационными кампаниями, мобилизующими массовые настроения. Щедро использовались при этом штампы: демократия против автократии, свобода против рабства, открытость рынков против протекционизма. Ход и завершение таких войн трактовались как проявление высшей справедливости (о торжестве принципов демократии и прав человека стали говорить позже). Во-вторых, за непосредственными участниками этих войн стояли более крупные силы — империи и их союзы. Наконец, в-третьих, сначала через провокации начинались военные действия, и лишь затем объявлялась война.

3

Грубая провокация в связи со взрывом крейсера «Мэн» в Гаване 15 февраля 1898 г. привела к объявлению 23 апреля Испанией первой империалистической войны США в ответ на ультиматум с их стороны; за день до

¹ Глубинные причины империалистических и особенно Первой мировой войны даже к столетию ее начала в отечественной литературе освещались слабо.

этого североамериканский флот блокировал Кубу. Войне предшествовало восстание на острове, которое поддерживали американские волонтеры — участники посланных туда свыше 60 военных экспедиций. В одну из них входил будущий президент США Т. Рузвельт, который принимал участие в войне в качестве командира добровольческого полка, позже названного «Мужественные всадники Рузвельта». Именно из опыта данной войны он вывел печально известную установку «говорить ласково, но держать за спиной большую дубинку», производную из африканской поговорки. Она определяла курс его латиноамериканской политики, а затем и мировой политики США. Само сочетание «ласки» и «дубинки» можно трактовать как классическое обрамление всех империалистических войн.

Поводом для войны послужило отвергнутое Испанией предложение конгресса США вывести правительственные войска с Кубы, хотя там уже устанавливалось перемирие с революционными вооруженными силами. Ход войны был предрешен превосходством американцев: они захватили Пуэрто-Рико, вторглись в Гуам, начали военные действия на Филиппинах (Испания в дальнейшем получила 20 млн долларов компенсации за острова), — эти три территории стали потом владением США, а Куба обрела независимость. 12 августа 1898 г. было заключено перемирие, травмировавшее Испанию.

Война считалась в США «образцовой». Она и была таковой по следующим параметрам: провокация как повод к ее развязыванию, быстротечность и пропагандистская шумиха. Причина взрыва на крейсере «Мэн» не была установлена, но информационный взрыв в США сразу мобилизовал страну и благословил агрессию. Умерший вскоре после катастрофы крейсера его капитан Р. Сигби говорил: «Я так и не высказал своего мнения о тех, кто потопил “Мэн”, и никогда не выскажу» [23. С. 41]. Новейшие версии сводятся к тому, что причиной взрыва было не внешнее, а внутреннее воздействие; жертв было много, — но приобретения их компенсировали.

Вторая империалистическая война — Англо-бурская — примечательна тем, что в ходе ее особенно активно и удачно использовались приемы информационных сражений. Началась она языковым давлением, когда в Капской колонии было запрещено обучение на голландском языке, а английский провозглашен государственным. Это давление могло длиться долго, но в 1867 г. на границе Оранжевой Республики и Капской колонии отыскалось крупнейшее в мире месторождение алмазов, а в 1886-м г. в Трансваале нашли золото. Это надо было как-то делить между местными и пришлыми жителями, что и послужило причиной военных столкновений в 1886—1891 гг., на которые обращала внимание и Германская империя, учредившая в 1884 г. рядом (на территории нынешней Намибии) свою колонию. Буры показали себя умелыми воинами — англичан погибло в 10 раз больше (408 против 41), что и послужило одной из причин антибурской истерии, в которой приняли участие такие авторитеты, как Р. Киплинг и А. Конан-Дойл.

Не без их участия, а главным образом через газеты, начинается информационная бомбардировка населения Англии, которому внушается, что, во-первых, «ойтлендеры», т. е. перебравшиеся в колонии подданные империи (англоязычные «понаехавшие»), не имеют общих прав с местным населением; во-вторых, буры остаются рабовладельцами и религиозными фанатиками (хотя в Англии и ее колониях рабство было отменено в 1834 г., действительно, буры не отказались от рабов в Трансваале и Оранжевой Республике); и в-третьих, уступки бурам, якобы поддерживаемым Россией, приведут к краху империи в Африке, а потом и в остальных частях света (меньше упоминалось, но больше учитывалось, что земли, за которые ведутся сражения, богаты алмазами и золотом, и что на них может претендовать Германская империя).

К концу века президент Южно-Африканской Республики П. Крюгер согласился даже на завышенные претензии Англии, но в империалистических войнах это считалось признаком слабости, а стремление договориться торпедировалось военными приготовлениями. Ему предложили провокационный ультиматум, отвержение которого послужило причиной нападения, без объявления войны, 12 октября 1899 г. на южные части республики. Буры воевали умело, но стали жертвами, что и вызвало их поддержку в большинстве стран мира; поначалу сил у них было больше, но Англия могла их наращивать до бесконечности, доведя до 450 тыс. к концу войны.

С июня 1900 г. война превратилась в беспрецедентную по жестокости партизанскую и затянулась на два года. Ответом британцев на нападения буров стала система блокаузов (укрепленных пунктов) и концлагерей для гражданского населения (их применяли испанцы до подавления восстания на Кубе в 1896 г., но не так масштабно); в них содержали около 200 тыс. буров, из которых 25 тыс. погибло. Война завершилась поражением буров, признавших власть британской короны.

Первоначально успехи буров, предпринявших попытку блицкрига [7], вызвали интерес к ним в разных странах мира. Английская пропаганда в этом плане вынуждена была перейти к оборонительным действиям — не всегда успешным, даже когда для этого имелись основания. Так, Англо-бурскую войну в царской России истолковывали как борьбу за свободу против рабства, хотя как раз буры выступали за его сохранение. Часто звучала романтическая песня о Трансваале, а будущий лидер Февральской революции А. Гучков поехал сражаться на стороне буров, где мог пересечься с У. Черчиллем, воевавшим за англичан.

Бурам после перемирия удалось сохранить ряд своих привилегий, но как раз они ответственны за режим апартеида, установленный в течение двух третей уже XX в. (с 1948-го по 1994 гг.), а насильственное проживание в бантустанах недалеко от практики концлагерей. Защищая апартеид, буры создали даже свой вариант гражданской религии [8. С. 41—42].

Как показала данная война, в ходе эскалации военных действий то, что кажется само собой разумеющимся одним участникам конфликта, считается неприемлемым другим. Взаимное отчуждение при этом служит питательной средой для деятельности средств массовой информации:

в ходе Англо-бурской войны газеты постоянно создавали провокации, усугубляя конфликтные ситуации. Это дает основание современным исследователям называть ее «первой гибридной войной» [32]; столь же примечательна их попытка переводить локальные столкновения на глобальный уровень, обнаруживая «интересы» (в первую очередь России) там, где их не могло быть по определению (в отличие от интересов Германии, о которых умалчивалось). Изучая разные формы провокаций и их информационного фона, можно обнаружить их национальный колорит: так, англо-американские провокации сопровождались апелляцией к абстрактным принципам свободы и демократии там, где они как раз попирались.

В Русско-японской войне нападению 9 февраля 1904 г. на корабли «Варяг» и «Кореец» (крейсер был затоплен командой, а канонерская лодка взорвана) и высадке войск на Ляодунский полуостров без объявления войны предшествовала дипломатическая провокация: ответ российского правительства на японскую ноту в ходе этого эпизода «борьбы за Корею» (которая длится до сих пор) с допущением уступок был специально задержан японским телеграфом. 5 февраля японский посол в столице российской империи получил предписание прекратить переговоры и прервать дипломатические отношения с Россией, готовность которой пойти на уступки была проигнорирована². Японская протоимперия начала наращивать свои колониальные владения, наталкиваясь и на владения других империй, в первую очередь Британской. Три войны — близкие по времени их протекания, но территориально весьма отдаленные — поначалу рассматривались как отдельные эпизоды. Но более проницательные наблюдатели видели их взаимную связь.

Вот что Ленин писал о войнах по периметру общеконтинентального полукружья: Испано-американская война — первая за передел уже поделенного империалистами мира; наряду с Англо-бурской и Русско-японской войнами они составляют «одну из главных исторических вех в новой эпохе мировой истории» [13. С. 164]. Ленин не апологетизировал Японию, от которой ряд более солидных по сравнению с Российской социал-демократической рабочей партией оппозиционных партий получали средства на антиправительственную деятельность. Японцы сравнивали действия островитян с мышью, бросившейся на кота и устранившей его; Ленин характеризовал их как «угнетающую нацию». Однако добавлял: «Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» [15. С. 157—158].

Уроки данной войны были трудны для усвоения. Серьезные отечественные мыслители указывали на «желтую опасность»³, но просмотрели

² «Тут раздался — оглушающий, нечеловечески рев: проблиставши огромным рефлектором невыносимо, мимо понесся, пыхтя керосином, автомобиль — из-под арки к реке. Александр Иванович рассмотрел, как желтые, монгольские рожи прорезали площадь... За спиной тогда поднялось, похожее на причитание, шамканье — “Господи, Иисусе Христе! Спаси и помилуй ты нас!”... — “Автомобиль именитые японские гости...”» [2. С. 100].

³ В. Соловьев в «Трех разговорах», А. Белый в «Петербурге», а позже А. Блок в «Скифах» [32].

опасность для России с Запада, связанную с вхождением в Антанту; редко кто допускал, что Антанта непременно предаст Россию.

4

Открывающая малый концентрический полукруг Итало-турецкая война, в ходе которой Итальянская протоимперия выступила против старой Османской, была преддверием двух Балканских. Ей предшествовала бесславная Итало-абиссинская война 1895—1896 гг. Спусковым ее механизмом послужила провокация: в одном из договоров слово «может» (прибегать к помощи Италии) было хитроумно заменено словом «должен». Победа оснащенных кремневыми ружьями абиссинцев над итальянцами показала: империи и протоимперии не обречены на победу.

Война 1911—1912 гг. началась обстрелом берегов Северной Африки, захватом территории будущей Ливии и ударами в устье Дарданелл. Мирный договор с Османской империей был подписан в Лозанне уже в ходе Первой Балканской войны. Одна война как бы передавала эстафету другой, а та — третьей — Второй Балканской.

Одной из декларируемых причин войны явилось желание Италии вернуть владения древней Римской империи; ее трактовали как «блаженное идолопоклонство перед квадратными километрами» [30. Р. 191] — при малой успешности результатов освоения «Четвертого берега Италии», как именовались земли Африки. Она, как и другие такого рода войны, сначала развернулась и лишь потом была объявлена, причем скорее для мобилизации своего населения, чем для оповещения противника. В ней впервые было применено новейшее оружие, турок не спасала храбрость участвующих в боевых действиях будущих вождей страны — Осман-паши и Ататюрка.

Разобраться в причинах, ходе и итогах Балканских войн не сможет никто и никогда, хотя все признают их связь с возникновением Первой мировой войны. В истоках этих было заложено столкновение амбиций «Великих» Болгарии и Сербии, «Великой» Греции и даже стремившейся стать «Великой» при самом своем возникновении в 1912 г. Албании⁴. Фоном же служило столкновение поистине великих империй — с одной стороны и повышенная провокационная активность ряда этнически агрессивных групп — с другой. Балканы именовали тогда «пороховым погребом» Европы, и по нему носились провокаторы, разжигавшие костры этнических амбиций.

В 1912 г. был создан Балканский союз, настороживший, естественно, Османскую империю. Ключевая страна союза — Болгария — стояла перед развилкой: намечались планы ее модернизации (поддерживаемые правящей династией Сакс-Кобургов; один из них был премьер-министром в 2001—2005 гг.), но и милитаризация не прекращалась. Соблаз-

⁴ На нее напала «Великая» Черногория, что звучало бы совсем анекдотически, если бы как раз в это время не появилось известное выражение «Нас с русскими — сто миллионов». Сегодня элита Черногории, игнорируя волю народа, предпочла более многочисленный блок НАТО.

нительным оказался пример Италии, развязавшей победоносную войну, и все же царь (с 1908 г.) Фердинанд проявлял миролюбие, а массы болгар — безразличие. «И тогда леваки из ВМОРО прибегли к провокации — в городе Кочани, что на территории Турции, был осуществлен теракт, за которым последовали кровавые расправы османских властей с местным болгарским населением» [27. С. 103].

ВМОРО, Внутренняя македонско-ординская организация, действовала в 1893—1919 гг., ее деятели постоянно организовывали восстания против Османской империи, мечтая о независимой (и, конечно же, «Великой») Македонии. Некоторые ее фракции не избегали террора и ввели в него такой экзотический элемент, как стрельба по-македонски [18]. Война стала неизбежной и успешной для Болгарии, но ненадолго: уже в ходе ее назревал конфликт между «Великими» Болгарией и Сербией, вылившийся во Вторую Балканскую войну — уже между победителями Первой — при «благожелательном» участии «великих держав». Они хорошо освоили тактику провокационного начала любой войны и вскоре применили ее на практике, игнорируя стратегические призывы к миру.

Итало-турецкая война виделась Ленину «усовершенствованной цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи “новейших” орудий» [14. С. 113]. Первая Балканская война именовалась им как «одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в восточной Европе», а во Второй «центр тяжести вопроса перенесен окончательно с театра военных действий на театр грязни и интриг так называемых великих держав» [11. С. 38].

Примечательно совпадение этих оценок с таковыми современного американского историка Ричарда Халла. Он характеризовал Первую Балканскую войну как антиосманскую, а Вторую — как межсоюзническую, отмечая, что Россия была бы рада освобождению Стамбула даже болгарами, но этого не позволяли другие империи. Автор соглашался с мнением Л. Троцкого (на то время — непосредственного наблюдателя военных действий), что такая война — преддверие международной бойни. При этом Халлом выделялись большие и малые провокации: к первым относились аннексия Боснии и Герцеговны и мобилизация турецкой армии в ответ на создание Балканского союза, ко вторым — активность групп террористов в Македонии.

По Халлу, мобилизовав в армию 600 тыс. человек (из всего населения в 1900 тыс.), болгары перешли границу за день до объявления войны. Они заявили, что, «подобно японцам», готовы пожертвовать 100 тыс. человек для победы [33. Р. 7, 24]. Границы балканских стран начали меняться; они не устоялись и до наших дней. События же того времени «начали длянущуюся треть века европейскую войну с 1912 по 1945 г.» [33. Р. 142].

Провокационное начало в двух Балканских войнах, предшествовавших мировой, обнаруживается с трудом: создавалось впечатление, что их участникам нечего было скрывать — они просто хотели захватить новые земли. Союзы же между балканскими государствами и их отдаленными соседями менялись с калейдоскопической быстротой: уже через

три года спустя после Балканских войн Болгария, едва не захватившая Стамбул, выступила в Первой мировой войне союзником Турции.

5

Итак, войны подбирались к Европе концентрическими полукругами. Первый носил трансконтинентальный характер и охватывал войны у побережья Америки, на юге Африки и возле Японии. Вторым полукруг включал Итало-турецкую и Балканские войны. Между ними можно наметить и некий промежуточный, тоже концентрический, полукруг, включавший как войны, так и революции, равно как и их связи; он охватывает события от конца Русско-японской войны в 1905 г. и до начала Итало-турецкой в 1911-м, которые отличались балансированием на грани войн между странами и внутри их.

В их числе революция в Персии (Иране), длившаяся как раз с 1905 г. по 1911-й и включавшая период гражданской войны (1908—1909); закончилась революция интервенцией российских войск при одобрении Англии.

6 июня 1908 г. восстанием турецких войск в Македонии началась младотурецкая революция, которая свергла власть султана; контрреволюционный мятеж его сторонников был подавлен. Революция стала одним из побудителей национально-освободительных движений по всему периметру границ Османской империи. Идеология османизма сменялась на идеологию пантюркизма, что сопровождалось переориентацией внешнеполитического курса с проанглийского и профранцузского к прогерманскому.

Марокканские кризисы — Танжерский (1905—1906) и Агадирский (1911) — продемонстрировали обострение «драки за Африку» между Францией и Германией, едва не вызвавшей войну. Как раз в это время выработывался знаменитый «план Шлиффена», предусматривавший успешную войну Германской империи на два фронта и молниеносный захват Франции — с нарушением нейтралитета Бельгии. Но даже отсутствие российских войск (они были на дальневосточных границах) не уменьшило авторитета Российской империи, которая вместе с Англией сдержала оба конфликта.

Неспокойно было это время и в Европе. В Ирландии шли яростные сражения по поводу закона о гомруле (самоуправлении): они закончились кровопролитным восстанием в Дублине в 1916 г. 13 августа 1905 г. 89% норвежцев выступили на референдуме за отделение от Швеции. Ситуация оказалась на грани войны, но все обошлось без кровопролития. Россия одной из первых признала независимость Норвегии.

Именно России с трудом удалось предотвратить и конфликт в 1908 г. по поводу аннексии Боснии и Герцеговины. Подстрекаемая Германской империей Австро-Венгрия территориально увеличилась (для сохранения империи это не просто естественно, но практически безальтернативно), что с неудовольствием было встречено Англией и Францией, крайне сдержанно, едва ли не с потерей лица, — Россией и агрессив-

но — Сербией. Турция же в 1909 г. за данную аннексию получила от Австро-Венгрии денежную компенсацию. После этого любые возможные провокации приобретали по необходимости международный и даже общемировой резонанс.

В данном плане интересна — хотя и сложна для расшифровки — оценка Боснийского кризиса 1908 г. Лениным. В статье «События на Балканах и в Персии» он увязал их с «сентябрьским контрреволюционным заговором» «коронованных разбойников и международного капитала» «во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в Малой Азии, в Египте и т. д., и т. д.» [17. С. 229]. Таким образом, транс-континентальные узлы завязывались еще в те времена⁵.

Столкновения во всех трех полукружьях неизбежно интенсифицировались с учетом усиления социальной и/или межнациональной напряженности в Российской, Австро-Венгерской и Османской империях под активным влиянием империй Германской, Французской и Британской; на них оказывало мощное влияние и превращение протоимперий в Италии, США и Японии в империи полновесные.

Столкновения во всех трех полукружьях неизбежно интенсифицировались с учетом усиления социальной и/или межнациональной напряженности в Российской, Австро-Венгерской и Османской империях под активным влиянием империй Германской, Французской и Британской; на них оказывало мощное влияние и превращение протоимперий в Италии, США и Японии в империи полновесные. Однако не все ключевые политические акторы того времени смотрели на приближение новых войн равнодушно или со скрытыми надеждами на свое усиление; сдержанно к их перспективе относился российский самодержец, царствование которого уже пострадало как от неудачной войны и с трудом

⁵ На это обращено внимание в одной из работ 1960-х гг. о боснийском кризисе как прологе Первой мировой войны [3]; в дальнейшем этот момент скорее проговаривался, чем анализировался. Характерна реакция масс на начало войн. В 1904 г. громко звучало в отношении японцев: «Шапками закидаем» (выражение появилось еще в XIX в.). В начале Первой мировой войны выдвигался клич «Бей колбасников [немцев]!» при том что значительное число этнических немцев умело воевали за Святую Русь. (Этнических русских в числе героев Первой мировой в Германии почти нет.) Примечательно, что этот клич легко мог замениться другим — «Бей лягушатников [французов]!». Англичане, стравливая всех, прятались в тени.

подавленной революции, так и от их роковой связки. Однако за год до указанной инициативы военные столкновения уже начались на периферии, отличаясь наполненностью провокациями и жестокостями, применением истребительного оружия (в частности, пулеметов) и накалом информационных столкновений.

6

Обратимся еще раз к фабуле войн и провокаций в ходе «подросткового» 16-летнего возраста империализма — с 1898-го по 1914 г. Этот период начинается первой войной, названной империалистической (1898), и завершается названной Первой мировой (1914). Попытаемся дать и картину его «взросления», зафиксированного В. И. Лениным в труде «Империализм как высшая стадия развития капитализма». Одним из метких наблюдений относительно его природы и противоречий является обоснование своеобразной пирамиды целей, характеризующей новые способы экспансий старых и новых империй (протоимперий). Эта пирамида выстраивается так: сначала происходит вывоз капитала (т. е. финансовая экспансия), предпринимаемый монополиями, зачастую трансгосударственными (в наше время переформатировавшимися в транснациональные корпорации). Затем намечаются контуры экономического раздела мира, в результате которого позиции этого капитала усиливаются на новых территориях. Подобного рода размышления изложены нами и в рецензии на работы Э. В. Ильенкова: «Россия наконец-то “вернулась” в цивилизованный мир, став одной из рядовых капиталистических стран (не будем рассуждать о том, чего это стоило и будет стоить, — так есть). Ей следует если не повышать, то хотя бы сохранять свой потенциал, дело, как говаривал Ленин, архитрудное. А это значит, что она не может не претендовать, да простится такое уродливое словосочетание, на роль актора в соответствующей геополитической игре. Правила которой... были описаны в брошюре “Империализм как высшая стадия развития капитализма” 1916 г. и которые действуют даже столетие спустя» [9. С. 218].

Наконец, возникают военные конфликты, закрепляющие результаты этого разделения. Они превратились в две мировые или, можно сказать, в одну мировую войну, начавшуюся 1 августа 1914 г. и закончившуюся 2 сентября 1945 г., когда Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и успешного наступления советских, монгольских и китайских войск в Манчжурии и на Сахалине.

С этим согласен Л. Данилкин, автор фундаментальной книги о Ленине, в которой подробно описана борьба с провокаторством, создававшим питательную почву для войн и революций. «Полиция тотально переигрывала тех, кто пытался действовать хоть в какой-то организации. Провокаторами оказывались самые надежные, близкие люди; жены продавали мужей, старые подруги — своих партнеров; тюрьмы и то работали как вербовочные пункты для полиции... Окружение именно больше-

виков в первую очередь было насквозь инфильтровано провокаторами; их не мог вычислить даже Бурцев» [4. С. 414]. В. Л. Бурцев — известный охотник за провокаторами, разоблачивший, в частности, Азефа. В книге также говорится о сущностной связи между войнами и революциями. Приведем в качестве комментария серьезнейшее суждение Данилкина о Первой мировой войне, опирающегося на анализ этой связи «классиком»: «Та мировая война, которая началась в 1914-м, она ведь до сих пор идет, это все история про то, как модернизовавшиеся страны делят остальной мир — и просто не могут не сталкиваться друг с другом, по объективным причинам» [24].

Ленин обосновал неизбежность войн, закреплявших результаты раздела мира. Не только он один видел их неизбежность. Более активный политик в балканских делах Т. Г. Масарик в книге «Россия и Европа», вышедшей между концом Балканских войн и Первой мировой в Германии, доказывал, что «Россия — тоже Европа», правда с добавлением: «Россия есть то, чем Европа была» [20. С. 10]. Утверждая, что «сейчас можно говорить о русификации Европы в не меньшей степени, чем об европеизации России» [21. С. 586], будущий президент Чехословакии, как раз и появившейся вследствие этих процессов, не останавливался на констатации этого положения. Он указывал, что в России прошла одна революция 1905—1907 гг. (ее результативным воздействием на Австрию явилось введение всеобщего избирательного права [21. С. 587]) — и ожидается вторая из-за «невозможности преобразования абсолютизма мирным путем» [20. С. 189].

Что касается Русско-японской войны, то в итоге ее «нехристианская, неправовая Япония одержала победу над православной “Святой” Русью» [20. С. 164]. Эта война, похоже, начиналась как средство предотвращения революции; вопреки замыслам части правящих кругов, она революцию интенсифицировала. Как отмечал Масарик, «невозможно отрицать, что на Дальнем Востоке Россия потерпела поражение не от японцев, а от внутреннего врага; и этим врагом был цезарепапистский абсолютизм» [20. С. 164]. Но признаки его опять-таки, согласно Масарику, есть и в Европе, «где господствует монархический милитаризм, господствует капитализм» [21. С. 585]. Следовательно, подводит итог Масарик, революция в России и Европе неизбежна, возможно, в связке с другой войной.

Согласно Масарику-моралисту, «подлинная революция — это революция реформистская, вследствие чего ее защитники и проводники всегда подчеркивали важность духовной подготовки — лишь тогда продуманная и планомерно проведенная революция будет иметь ожидаемый успех» [21. С. 558]. Но еще в середине XVII в. шведский реформатор А. Оксеншерна утверждал, что каждое правительство получает такую революцию, какую заслужило, — и Масарик-реалист признает это в полной мере. Он остерегается высвечивать роль стран, репрезентующих и «монархический милитаризм», и «господствующий капитализм». К первым принадлежат Австро-Венгерская и Германская империи; а Масарик был гражданином одной, книгу же издавал при финансовой поддержке

отнодь не революционных издателей другой. Ко вторым странам относил Англию и Францию — носителей какого ни есть, но демократизма...

Неизбежность быстрого и прямого столкновения указанных сил уже в мировой войне даже этим проницательным социальным мыслителем допускалась с трудом, а ведь это предполагал раскритикованный им еще в 1898 г. марксизм⁶. Преобладающим на Западе в этом плане было благодушие, усиленное в России празднованием 300-летия дома Романовых. Летом 1914 г. все европейские политики, включая Масарика, разъехались на отдых, как бы расчистив место для провокаций.

Остается добавить три комментария.

1. В 1908 г. Масарик активно выступил против аннексии Боснии в качестве депутата австрийского парламента, считая ее «воровским актом» (послужившая поводом к аннексии младотурецкая революция в Османской империи выявила еще раз образец некой шаблонной связи «война — революция», как это было в России в 1904—1905 гг.). В дальнейшем он выступал в поддержку организации «Славянский Юг», руководителям которой приписывались провокации; летом 1909 г. они были оправданы (а для суперпровокации 1914 г. отыскалась другая малоавторитетная организация — «Молодая Босния»). В дальнейшем Масарик, переживший издержки первой волны политики балканизации в начале века, писал относительно второй волны, репрезентуемой политикой Королевства сербов, хорватов и словенцев: «Балканизацию можно устранить лучше всего свободой и демократией. Задача заключается в том, чтобы большие народы, которые до сих пор угрожают народам малым и одновременно друг другу, согласились с принципом, что все народы, и большие, и малые, являются равноправными государственными и культурными индивидуальностями» [19. С. 253]. (В 1999 г. президент Чехии, считавший себя наследником Масарика, благословлял бомбардировки Белграда как раз апелляциями к принципам свободы и демократии. В. Гавел утверждал: «Бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер — исключительно гуманитарный, главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом» [35]. Как не признать, что и права человека — повод для неизбежных провокаций...)

2. Масарик осудил факт «провокационной двойной игры с партией и тайной полицией» Азефа [21. С. 335; см. также С. 396—397], о котором знал и от лично ему известного Б. В. Савинкова. Некоторые деятели партии эсеров утверждали: «Провокация опасна лишь для слабых, не для сильных — я сильный!» [21. С. 400]. По той же логике оправдывал силу своей партии, не боявшейся провокаций, и Ленин в знаменитой работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», анализируя казус расстрелянного перед ее выходом «за провокацию» Малиновского. Ленин подчеркивал, что, «одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был дру-

⁶ См. его фундаментальный труд, заложивший основы марксологии [22], вышедший в 1898 г. на чешском, в 1899 г. — на немецком и уже в 1900 г. — на русском языках

гой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу» [12. С. 28–29].

3. Масарик писал президенту США В. Вильсону 11 апреля 1918 г.: «Все малые народы Востока (финны, поляки, эстонцы, латыши, чехи, словаки, румыны и др.) нуждаются в сильной России, иначе они будут предоставлены на милость немцев и австрийцев: союзники должны поддерживать Россию при любых обстоятельствах и всеми средствами. После захвата Востока немцы будут завоевывать Запад» [1. С. 605].

7

Каждую из войн, предшествующих Первой мировой, можно было предотвратить и погасить в самом начале; более того, такие попытки предпринимались, но лишь одной из сторон. И как раз эту сторону загоняли в безвыходное положение информационными войнами, терактами и диверсиями агрессивно настроенные социальные и/или национальные группировки, за которыми стояли крупные государства и их союзы⁷. Империалистические войны в рассматриваемый период — неустраняемые элементы новой исторической эпохи. И вряд ли стоит переоценивать роль провокаций в их возникновении. Уместно говорить и о таких ее детерминантах, которые соотносятся с фрейдизмом и нефрейдизмом: сепке «Эрос — Танатос» самого З. Фрейда, комплексов превосходства и неполноценности А. Адлера, некрофилии Э. Фромма. Анализ комплекса причин надо начинать, по его обоснованному мнению, «образно говоря, не с курицы, а с яйца, а лучше с биологической клетки, не только являющейся источником, но и предопределяющей логику развития всего биологического цикла». Таковой «клеткой» является гоминидное стадо во главе с альфа-самцом, обеспечивающим его выживание [28. С. 11–12]. Это ориентирует на изучение социобиологических причин появления войн.

В числе виновников Первой мировой войны можно назвать и буржуазию, и военно-феодалную верхушку, и интеллигенцию. Одной из ее причин стала растущая с начала XX в. «значительная нервозность и агрессивность масс». Ее составляющие — одержимость волевым началом, социальный дарвинизм, осуждение гедонизма в настоящем с надеждой достигнуть его в будущем, взаимные обличения различных слоев общества, апокалиптизм [10]. Подобное настроение уловил Андрей Белый в романе «Петербург», назвав его «трусой» и обозначив нарастанием звука «У-у-у»... [2]. Патологическую возбужденность общества можно объяснить также повышенной аномией и отчужденностью. Объективной

⁷ Естественно, нужно избегать ситуаций, когда предсказание провокаций выглядит как самое провокация (в «Золотом тельнеке» разговоры о том, что Воронья слободка сгорит, приводят к пожару, но все же у некоторых ее жителей руки действительно пахли керосином. Следует избегать также нумерологического детерминизма (для России — тех же фатальных годов: 1612, 1812, 1914-го или даже месяцев в новейшей истории РФ), а также некорректных уподоблений. Правда, то, что провокация одновременно детерминистична и индетерминистична, тоже следует понимать и помнить. Отсюда требование поистине комплексного, а не только на словах, анализа с элементами рефлексивности.

подоплекой этих процессов можно считать демографический дисбаланс: чаще и больше рождаются, реже и меньше умирают.

Вместе с тем не вся буржуазия в преддверии указанных войн была милитаристски ориентированной, а часть военно-феодальной касты отрицательно относилась к военным авантюрам (за что исторически позже — в фашистской Германии — подвергалась репрессиям). Сложнее с интеллигенцией: время от времени она демонстрирует такую любовь к народу, которой тот иногда не хочет из-за радикальности этого чувства. Но ведь и интеллигенция продуцировала пацифистское движение, причем и на международном уровне.

Выделение в качестве причины войны народных масс особенно примечательно. В этом направлении мыслил еще Лев Толстой, стремившийся объяснить сложный характер потоков, состоящих из многих народов, в начале XIX в.: сначала с запада на восток, а затем с востока на запад. Одна из причин сводится к сцеплению волевых начал всех людей, ими захваченных — сверху донизу. «Движение народов производит не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и другого, как думали историки, но деятельность всех людей, принимающих участие в событии и соединяющихся всегда так, что те, кто принимает наибольшее прямое участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность; и наоборот» [26. С. 678].

Глубоко уважавший Толстого экономист Дж. Кейнс, тщательно комментировавший эти и другие его мысли, применял их и для объяснения военных и революционных катаклизмов в России (и не только в России) уже в начале XX в. Он буквально страницами цитирует заключительные положения «Войны и мира» в статье «Россия», помещенной в Приложениях к газете «Манчестер гардиан» за 6 июля 1922 г., заключая ее словами «в природе революций, войн и голода смывать законные требования и частное богатство индивидов. И бесполезно негодовать на молнию или ужасаться, как бы вулкан не создал прецедентов» [34. Р. 437].

У Достоевского в «Преступлении и наказании» говорилось о «трихинах», которые приводили к заболеваниям масс. «Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем одном и заключается истина... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя...» [6. С. 419—420].

Беда тем политикам, которые эксплуатируют такого рода чувства, предупреждали эти и другие русские писатели XIX в. и их зарубежные почитатели. Писателям же века XX приходилось воочию наблюдать их действие в «окайные дни».

Однозначного ответа на вопросы об истоках и следствиях империалистических войн, как и сопутствующих им провокаций, а тем более о действиях подспудных сил, выносящих их на поверхность, нет. А его поиск крайне важен, ибо сегодня глобальная война самоистребительна.

Но ведь человечество должно остаться жить — хотя бы для того, чтобы осознать недопустимость своего конца.

Уроки столкновений, приведших к возникновению Первой (1914—1918 гг.), а по ряду суждений — единственной (1914—1945 гг. и даже 1912—1945 гг.) мировой войны, указывают на это со всей определенностью. Именно поэтому важно рассмотреть каждую из упомянутых войн: все черты, присущие войне мировой, проявлялись в них в сжатом виде.

Литература

1. **Абрамов М. А., Лаврик (Задорожнюк) Э. Г., Малевич О. М.** Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т. Г. Россия и Европа : в 3 т. СПб. : РХГИ, 2004. Т. 2.
2. **Белый Андрей.** Петербург. М. : Наука, 1981.
3. **Виноградов К. Б.** Боснийский кризис — пролог к первой мировой войне. Л. : ЛГУ, 1964.
4. **Данилкин Л. А.** Ленин: пантократор солнечных пылинок. М. : Молодая гвардия, 2017.
5. **Дмитриев А. В., Задорожнюк И. Е.** Социогенез провокации и психопортрет провокатора (историософские провидчества Андрея Белого в романе «Петербург») // Вопросы философии. 2017. № 5.
6. **Достоевский Ф. М.** Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л. : Наука, 1973. Т. 6.
7. **Дрогозов И. Г.** Англо-бурская война 1899—1902. Минск : Харвест, 2004.
8. **Задорожнюк И. Е.** Гражданская религия в США, или «вера в Америку»: социальные функции, история и современность. М. : Изд-во Современного гуманитарного университета, 2007.
9. **Задорожнюк И. Е.** Рецензия на книгу Э. В. Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального» // Вопросы философии. 2016. № 2.
10. **Кустарев А.** Катастрофа XX века // Неприкосновенный запас. 2014. № 4.
11. **Ленин В. И.** Балканская война и буржуазный шовинизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1973. Т. 23.
12. **Ленин В. И.** Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1981. Т. 41.
13. **Ленин В. И.** Империализм и раскол социализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1973. Т. 30.
14. **Ленин В. И.** Конец войны Италии с Турцией // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1968. Т. 22.
15. **Ленин В. И.** Падение Порт-Артура // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1967. Т. 9.
16. **Ленин В. И.** Пророческие слова // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1976. Т. 36.
17. **Ленин В. И.** События на Балканах и в Персии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1968. Т. 17.
18. **Лунева Ю. В.** Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. М. : Квадрига, 2010.
19. **Масарик Т. Г.** Мировая революция : в 2 т. Прага : Пламя — Орбис, 1926—1927. Т. 2.
20. **Масарик Т. Г.** Россия и Европа : в 3 т. СПб. : РХГИ, 2000—2004. Т. 1.
21. **Масарик Т. Г.** Россия и Европа : в 3 т. СПб. : РХГИ, 2000—2004. Т. 2.

22. **Масарик Т. Г.** Философские и социологические основания марксизма. СПб. : К. Т. Солдатенков, 1900.
23. **Нитобург Э. Л.** Похищение жемчужины. М. : Наука, 1968.
24. Новая газета. 2017. 24.03.
25. **Такман Б.** Первый блицкриг: Август 1914. М.; СПб. : АСТ, 1999.
26. **Толстой Л. Н.** Война и мир. Л. : ОГИЗ, 1945.
27. Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности. М. : Институт славяноведения, 2016.
28. **Шереги Ф. Э.** Политика как социальный институт // СОТИС: Социальные технологии, исследования. 2016. № 5.
29. **Энгельс Ф.** Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 21.
30. **Яковлев Н. Н.** 1 августа 1914 года. М. : Молодая гвардия, 1974.
31. **Bruce R.** To the Fourth Shore: Italy's War for Libya 1911—1912. Rome, 2012.
32. byals.livejournal.com/119925.html (дата обращения: 28.02.2017).
33. **Hall R. C.** The Balkan Wars 1912—1913. Prelude to the First World War. L. ; N. Y. : Routledge, 2000.
34. **Keynes J. M.** Collected writings. L. : Macmillan Press, 1978. Vol. XVII.
35. Le Monde. 1999. 18.07. ◆